

История и теория исторической науки

С.В. Юферова

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА ЕКАТЕРИНЫ II: ОСВЕЩЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассмотрен один из аспектов историографии губернской реформы 1775 г. Автор выявляет и сопоставляет различные точки зрения отечественных историков на характер реформы. Анализируются условия складывания конкретных исторических взглядов в определенную историческую эпоху, выясняются причины сходства и различия оценок реформы в трудах ученых на разных этапах развития исторической науки.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., Екатерина II, реформа, губернская реформа 1775 г., местный аппарат управления, чиновничество, историография.

Губернская реформа 1775 г. стала объектом критического рассмотрения уже в годы ее проведения в жизнь¹. За более чем двухсотлетний срок, прошедший со дня подписания акта 7 ноября, реформа изучалась и историками, и юристами. Утраченный в начале прошлого века интерес исследователей к проблемам организации управления в России XVIII столетия² в последнее время возвращается.

Впрочем, обилие работ по проблеме не привело к выработке общепринятого мнения по довольно широкому кругу вопросов. В связи с этим перед историографом встает задача понять причины различий характеристик конкретного явления в научной литературе. В настоящей работе ставится задача проанализировать историографию такого аспекта преобразования органов местного управления, как характеристика реформы 1775 г., с выявлением при этом причины разнообразия оценок.

Анализируя предлагавшееся «Учреждением» административное устройство, исследователи обычно обращали внимание на

принципы его организации. Как правило, отмечалось, что реформа базировалась на следующих основаниях: децентрализация управления³, отделение суда от администрации⁴, выборность на местном уровне⁵. Правда, указывалось и на непоследовательность проведения некоторых из этих принципов в жизнь. Так, попытки разделения властей на уровне уездов и губерний историки нередко характеризовали как формальные или декларативные⁶.

Базовым для реформы был рационально-статистический принцип нового административного деления страны, также по-разному оценивавшийся в литературе. В XIX в. исследователи указывали на искусственный характер происхождения многих новых губерний. «Отсутствие бытовой цельности области, – писал, например, А.С. Лаппо-Данилевский, – не вознаграждалось единством ее в правовом отношении»⁷.

В советской историографии в последовательном проведении данного принципа в жизнь нередко видели негативную компоненту, поскольку, учреждая новое административное деление страны, императрица сознательно (ради упрощения фискального и полицейского контроля) отказалась считаться с особенностями экономического и национального развития регионов⁸. Отголоски классового подхода к оценке деяний Екатерины II в наше время еще можно встретить в наиболее консервативной учебной литературе. Например, авторы учебника по истории для 10-го класса средней школы дают следующую емкую характеристику целей, принципов и результатов реформы: «Усиление полицейского надзора за населением».

В отрицательных оценках преобразований Екатерины II нет недостатка и в современной литературе. Однако они не заданы по умолчанию. Если исследователь находит изъяны в теории, он неизбежно найдет те же недостатки и в ее реализации. Проиллюстрируем этот вывод оценкой характера губернской реформы в работах историков наших дней. Считая, что идеи европейских просветителей, служившие основой, в частности, и изучаемого нами закона, «не просто игнорируют национальную специфику, но прямо ей враждебны», Ю.А. Сорокин увидел едва ли не национальную измену в последовательном проведении этих идей в жизнь⁹. Подавляющее же большинство историков оценивают Просвещение как передовую политико-философскую доктрину Запада. И в этом случае реформирование России на предложенных просветителями принципах признается прогрессивным для того времени¹⁰.

Кроме того, в анализе исторического материала современные исследователи не ограничены рамками оценочного подхода. Неред-

ко ученые пытаются воссоздать логику мышления исторических лиц. Так, невнимание Екатерины II к особенностям национально-исторического и экономического развития регионов А.Б. Каменский объясняет стремлением императрицы добиться наибольшего удобства управления¹¹.

Характеризуя губернскую реформу, Н.И. Павленко выделяет два ее аспекта: «технический» (реорганизацию уездной и губернской администрации) и социальный (меры по укреплению положения дворянства)¹². Воспользуемся данным делением.

Хорошо известен факт разновременного появления новых учреждений по регионам России. Медленный процесс реализации акта 7 ноября 1775 г. объясняется в литературе тем, что «правительство одновременно с реформой управления проводило давно назревшую административно-территориальную реформу»¹³.

На всех этапах развития науки исследователи отмечали, что создававшаяся на основе принципа разделения властей администрация оказалась громоздкой, а функции учреждений иногда дублировались¹⁴. М.К. Любавский даже охарактеризовал екатерининское местное управление как «трехэтажное», а всю постановку дела как «бутафорскую»¹⁵. Однако вся громоздкость акта оказалась призрачной. Как доказала Л.Ф. Писарькова, наместничество не выполняло роль надстройки над губернией, поскольку термины «губернатор» и «наместник» использовались законодателем как синонимы¹⁶.

Для характеристики «технической» компоненты реформы важным оказался и вопрос рекрутирования кадров для новых учреждений. По мнению В.А. Григорьева, на выборные должности на местах почти повсеместно, даже в столице, не хватало дворянства. Правительство просто справилось с решением этой проблемы: «Личный состав старых учреждений, очевидно, перешел в новые места»¹⁷. Это утверждение напрямую не оспаривалось. Однако данные современных исследований, на наш взгляд, противоречат выводам дореволюционных ученых. Например, И.В. Фаизова убедительно доказала появление «дворянской безработицы» после Манифеста о вольности дворянства¹⁸. А значит, вывод о повсеместном недостатке дворян в количественном плане следует уточнять.

В вопросе же о качестве чиновничества в историографии царит редкостное единодушие. По общему мнению современников и историков, и образовательный, и нравственный уровень провинциального чиновничества оставлял желать много лучшего¹⁹.

Ресурсы созданной реформой системы охарактеризовал О.А. Омельченко. «Условием функционирования этой организа-

ции..., – пишет ученый, – полагался высокий уровень административно-правовой культуры, высочайший уровень правовой регламентации... Такое стремление вступало в очевидное противоречие с традициями российской бюрократии, с общими возможностями правовой культуры российского общества»²⁰.

Таким образом, при характеристике «технической» стороны реформы в историографии господствовал скептический взгляд на екатерининские нововведения. При этом жизнеспособность созданной ею системы исследователи, как правило, оценивали довольно высоко. Самый короткий срок отмеряли немногочисленные ученые, видевшие конец екатерининской системы в новшествах времен Павла I. К числу последних относится, например, Ю.А. Сорокин, мотивирующий данную точку зрения изменением административного деления страны²¹. Гораздо более широко распространено мнение, что «Учреждение» оказалось документом большой исторической прочности, соответствовавшим потребностям абсолютистского государства в основе своей до реформ Александра II²². Впрочем, иногда время существования екатерининских учреждений продлевалось до 1917 г.²³

Противоречие между негативной оценкой административной составляющей реформы и признанием факта ее долголетия объяснить нетрудно. В подавляющем большинстве либералы по убеждениям, ученые дореволюционной России, а тем более историки советской поры не могли считать прогрессивными меры, нацеленные на сохранение самодержавия. Поэтому внимание акцентировалось на недостатках реформы. В то же время трудно было отрицать очевидный факт долговременного существования екатерининских учреждений в провинции.

Впрочем, не все российские ученые были согласны с преимущественно негативной оценкой преобразования. В.С. Иконников, например, писал: «В результате вышло, что губернские учреждения Екатерины оказались одной из наиболее удачных и наиболее прочных русских реформ»²⁴. А Э.Н. Беренц, исследовавший изменение системы государственного управления в прикладных целях (записка была представлена министру внутренних дел В.К. Плеве), указывал на сохранение значимости института генерал-губернаторов и местного дворянского самоуправления. Причем с течением времени влияние дворянской корпорации «становилось все существеннее, и органам власти приходилось считаться с местными дворянскими интересами»²⁵.

Как уже указывалось, у реформы был и второй аспект. Причем общепринятым можно считать мнение, что социальная компонента

реформы была не менее важной по сравнению с административной. Утверждалось даже, что построение акта по сословному принципу было главной идеей законодателя²⁶. Как и следовало ожидать, исследователи периода становления гражданского общества, а тем более общества всеобщего равенства не могли не считать пороком сословный принцип организации местного управления (при преобладании дворянства)²⁷.

Пороком было не только глубоко аристократическое, по мнению М.М. Ковалевского, устройство здания новой администрации, но и «распространение системы рабства» как гарантии экономических интересов занятых управлением страной дворян²⁸.

В освещении же современных историков в картине социальной составляющей губернской реформы стали видны иные краски. Так, по мнению Е.В. Анисимова, это влияние дворянской корпорации на коронную администрацию «было давно ожидаемое политическое решение, подготовленное всей предшествующей историей русского дворянства в послепетровскую эпоху». При этом решение было умело осуществлено «не как опасный своим резонансом политический акт, а как естественный этап создания новой местной системы управления»²⁹. Б.Н. Миронов выразил ту же мысль иными словами, назвав реформу компромиссом между дворянством и самодержавием³⁰. В результате же «удовлетворялись интересы местных политических элит, которые интегрировались во властные структуры и проникались чувством сопричастности к процессу управления»³¹.

Ярко выраженная социальная составляющая реформы позволяла характеризовать ее как крепостническую и феодальную³². Впрочем, подобная оценка реформе давалась и вне всякой связи с поставленными ей задачами. Так, В.Я. Гросул негодует: «Никаких покушений на крепостничество и его институты в Учреждении не усматривается»³³.

Разумеется, подобного рода филиппики не так уж часты в отечественной историографии реформ 60–90-х гг. XVIII в. Вплоть до последнего времени господствовали два подхода к анализу деятельности императрицы. Пожалуй, самым ярким образцом первого были работы В.О. Ключевского. В них екатерининские преобразования подавались «в ироническом противоречии: описание достоинств и внезапных отрицательных оценок, брошенных как бы мимоходом»³⁴. Другой окончательно оформился лишь в советское время. Обличая антинародную сущность едва ли ни каждого из деяний Екатерины, советские ученые не могли в то же время (пусть с оговорками) не отметить и имевшихся достижений. Данное наб-

людение вполне справедливо для характеристики и губернской реформы в целом, и отдельных ее элементов. Например, М.Н. Гернет признает, что статьи о тюрьмах, «конечно, предназначались не только для России, но и для заграницы»³⁵. Учитывая, что автор практически во всех поступках и проектах императрицы видел «флирт» с европейскими мыслителями, важно его признание предназначенности для России разработанного в «Учреждении» подхода к реформе пенитенциарной системы.

Подводя итоги, обратим внимание на тот факт, что, как правило, оценка конкретного исторического феномена напрямую связана с отношением к нему как исследователя, так и современного ему общества. «Субъективный элемент, – писал В.И. Герье, – будет всегда играть в ней важную роль, притом не только тот, который вносится личностью историка, но и тот, который обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, складом ума целой эпохи»³⁶. И вопрос характеристики губернской реформы 1775 г. не является исключением из этого правила. Исследователи рубежа XIX–XX вв. сделали значительную часть работы по разведению «научной полутьмы», в том числе и вокруг административных реформ Екатерины II. Однако в истории России последняя треть XIX – начало XX в. – время масштабного преобразования системы управления. Медлительность реформирования при завышенных ожиданиях вела к модернизации прошлого. Так, А.Б. Каменский писал об определенном влиянии политических взглядов А.А. Кизеветтера на его оценку изучаемых явлений³⁷. Убежденный в необходимости либерализации социально-экономической и политической жизни России, ученый и в губернской реформе не увидел ничего, кроме «старого вина в новых мехах»³⁸. Выводы специалистов находили соответствующее преломление в трудах популяризаторов. В редактировавшейся вел. кн. Николаем Михайловичем серии исторических портретов административные реформы Екатерины охарактеризованы как «бумажные»³⁹.

Труды российских историков и правоведов второй половины XIX в. повлияли на формирование представлений о прошлом России и у вождей российского марксизма, а, следовательно, и на приложение теории истмата к истории нашей страны в советской историографии. Кроме того, проблемы организации власти оказались на периферии исследовательских интересов советских ученых. По этим причинам оценки губернской реформы в советской историографии во многом оказались схожи с характеристикой преобразования российскими исследователями. Сближало оценки реформы и общее для историков обеих научных школ неприятие современ-

ного для ряда из них самодержавия. Сама же Екатерина II исходила из совсем иных идеалов. Среди историков у нее «однопартийцев» не было. И не случайно долгое время в науке господствовало критическое отношение к реформе.

В наше время вопросы организации управления в дореволюционной России вновь оказались актуальны. Но центр тяжести в изучении административных реформ перенесен с документа на его практическую реализацию. Формируется более взвешенный подход к характеристике как отдельных реформ, так и преобразовательной деятельности Екатерины II в целом. Речь не идет о замене отрицательных оценок положительными. И в современной литературе достаточно скепсиса. Однако в его основе в лучших трудах лежит не либеральная или классовая парадигма истории, а стремление выявить достижения и просчеты законодателя, значимость преобразований в реалиях изучаемого времени.

Примечания

- ¹ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1983. С. 92.
- ² *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С. 314.
- ³ См.: *Алексеев А.С.* Русское государственное право. М., 1897. С. 461; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений России до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 121.
- ⁴ См.: *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. М., 1964. С. 447; *Платонов С.Ф.* Курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1995. С. 706.
- ⁵ См.: *Богословский М.М.* Учреждение об управлении губерний и Жалованная грамота Екатерины II // Три Века: Россия от Смуты до нашего времени. Т. 3–4. М., 1992. С. 532; *Чистяков О.И.* Введение // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 168.
- ⁶ См.: *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 102; *Смыкалин А.С.* Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 64.
- ⁷ *Латто-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 49.
- ⁸ *Чистяков О.И.* Указ. соч. С. 295.
- ⁹ *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм последней трети XVIII в. Омск, 1999. С. 105.

- ¹⁰ *Хованова О.А.* Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: Опыт сопоставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 30.
- ¹¹ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). М., 2001. С. 425.
- ¹² *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 178.
- ¹³ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 402.
- ¹⁴ См.: *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 47; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи: XVIII – начало XX века. М., 2001. С. 52.
- ¹⁵ *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. СПб., 2001. С. 94.
- ¹⁶ *Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 405.
- ¹⁷ *Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910. С. 323–324.
- ¹⁸ *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 127.
- ¹⁹ См.: *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. 2. С. 280; *Кустова Е.В.* Городское самоуправление Вятки в конце XVIII – середине XIX вв. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 135.
- ²⁰ *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 277.
- ²¹ *Сорокин Ю.А.* Указ. соч. С. 258–259.
- ²² См.: *Сергеев О.И., Лазарева С.В., Тригуб Г.Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: очерки истории. Владивосток, 2002. С. 21; *Милюков П.Н.* Источники русской истории и русской историографии // Энциклопедический словарь. Репринт. Воспроизведение изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Ярославль, 1992. Т. 55. С. 477.
- ²³ *Флоринский М.Ф.* Российская государственность в эпоху просвещенного абсолютизма // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 365.
- ²⁴ *Иконников В.С.* Значение царствования Екатерины II. Киев, 1890. С. 34.
- ²⁵ *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). М., 2002. С. 85.
- ²⁶ *Чистяков О.И.* Указ. соч. С. 167.
- ²⁷ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 268; *Ключевский В.О.* Курс Русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 108.
- ²⁸ *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 112.
- ²⁹ *Анисимов Е.В.* Реформы Екатерины II // Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 175.

- ³⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 136.
- ³¹ *Каменский А.Б.* Административное управление в России в XVIII в. // Административные реформы: история и современность. М., 2006. С. 105.
- ³² См.: *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 347; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России... С. 489.
- ³³ *Гросул В.Я.* Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000. С. 31.
- ³⁴ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 553.
- ³⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. Т. 1. М., 1960. С. 127.
- ³⁶ *Герье В.И.* Развитие исторической науки // Русский вестник. 1865. С. 451.
- ³⁷ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 324.
- ³⁸ *Кизеветтер А.А.* Императрица Екатерина II как законодательница: Речь перед докторским диспутом // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 280.
- ³⁹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты: По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий». СПб., 1996. С. 461.